

**Генеральная Ассамблея
Совет Безопасности**

Distr.: General
19 September 2022
Russian
Original: English

Генеральная Ассамблея
Семьдесят седьмая сессия
Пункт 72 а) повестки дня
Мировой океан и морское право: Мировой океан
и морское право

Совет Безопасности
Семьдесят седьмой год

**Письмо Постоянного представителя Турции при Организации
Объединенных Наций от 17 сентября 2022 года на имя
Генерального секретаря**

В дополнение к моему письму от 30 сентября 2021 года ([A/76/379-S/2021/841](#)) и со ссылкой на письма Постоянного представителя Греции от 25 мая 2022 года ([A/76/846-S/2022/432](#)) и от 27 июля 2021 года ([A/75/976-S/2021/684](#)), а также в дополнение к моему письму от 13 июля 2021 года ([A/75/961-S/2021/651](#)) я хотел бы, по поручению моего правительства, довести до вашего сведения следующую информацию.

Турция внимательно изучила последнее письмо Постоянного представителя Греции, ссылка на которое приведена выше. В этом письме Греция продолжает утверждать, что она не совершала серьезных нарушений положений о демилитаризации, содержащихся в Лозаннском мирном договоре 1923 года (включая Лозаннскую конвенцию 1923 года касательно режима Проливов), и положений Парижского мирного договора 1947 года, и всячески стремится преуменьшить важность обязательств, вытекающих из этих документов. Попытки Греции преуменьшить свои юридические обязательства и умалить значение демилитаризованного статуса Восточно-Эгейских островов вызывают, как минимум, разочарование. Но более того, действия Греции угрожают стабильности жизненно важных территориальных режимов, согласованных в Лозаннском и Парижском мирных договорах. Нарушение статей этих документов о демилитаризации территориальных режимов действительно может создать угрозу международному миру, и все страны заинтересованы в том, чтобы избежать этого¹.

Турция решительно не согласна со всеми утверждениями Греции, включая те, которые содержатся в ее последнем письме от 25 мая 2022 года. Однако на данном этапе пять из этих утверждений следует четко опровергнуть с юридической точки зрения:

¹ Fitzmaurice, vol. 73, *Recueil des cours*, p. 255, at 262.

Во-первых, Греция утверждает, что «основной целью» Лозаннского мирного договора и Парижского мирного договора было «установление постоянных границ и территориальных правовых титулов для соответствующих государств». Это чрезмерно упрощенное утверждение легко опровергается. Из самих названий этих документов явствует, что основная цель этих договоров была гораздо шире, чем установление постоянных границ и территориальных правовых титулов. Кроме того, в преамбулах обоих документов недвусмысленно говорится, что конечной целью упомянутых договоров было прекращение состояния войны и восстановление общего мира и дружественных отношений. Для достижения этой цели было необходимо урегулировать ряд важных вопросов, которые касаются не только установления постоянных границ и территориальных правовых титулов, но и демилитаризации, которая в контексте обоих договорных режимов рассматривается как необходимое условие для достижения главной цели этих договоров.

Во-вторых, Греция ссылается на значимость и актуальность принципа стабильности и окончательного характера границ, определенный Международным Судом в контексте, когда две страны устанавливают границу между собой в соглашении о границе². Принцип, упомянутый в этом решении Международного Суда, является не более чем частностью в более широком контексте двусторонних соглашений о границе, то есть является частью более общего основного принципа, согласно которому территориальный режим, установленный договором, приобретает постоянство, которым не обязательно обладает сам договор, и дальнейшее существование этого режима не зависит от продолжительности действия договора, в соответствии с которым этот режим был согласован³. Именно «территориальный режим» в целом, а не просто отдельные его аспекты, приобретает особый статус.

Таким образом, все территориальные режимы, установленные в общих интересах Лозанским и Парижским мирными договорами, обрели постоянство, дальнейшее существование которого не обязательно зависит от продолжения действия договоров, которые его породили. Греция юридически неверно и совершенно своекорыстно утверждает, что только один аспект территориального режима, то есть территориальные правовые титулы, должен обладать постоянством и что это не относится к аспекту демилитаризации соответствующих территорий.

На самом деле все толкование Лозаннского и Парижского мирных договоров, на которое опирается Греция, ошибочно. При толковании договора необходимо рассматривать договор целиком. Как отмечалось, Парижский мирный договор, предусматривающий мирное урегулирование, должен рассматриваться как единое целое, а его положения — как взаимосвязанные⁴. Постоянная палата международного правосудия сделала аналогичное замечание в отношении толкования Мирного договора между союзными и объединившимися державами и Германией 1919 года (Версальский договор), подчеркнув, что очевидно, что этот Договор следует воспринимать целиком и что его смысл не должен определяться только на основании отдельных формулировок, которые, будучи вырванными из контекста, могут толковаться более чем в одном смысле⁵.

² *ICJ Reports, 1962*, pp. 6, 34. *ICJ Reports, 1994*, pp. 6, 37.

³ *I.C.J. Reports 2007*, p. 832, at 861; *I.C.J. Reports 2009*, p. 213, at 243.

⁴ Fitzmaurice, vol. 73, *Recueil des cours*, p. 255, at 262.

⁵ 1922, *P.C.I.J., Series B, Nos. 2 and 3*, p. 23.

Что касается Парижского мирного договора, то Греция неправомерно пытается рассматривать статью 14 1) отдельно от положения о демилитаризации, содержащегося в статье 14 2). Кроме того, Греция пытается отделить статью 12 Лозаннского мирного договора от положения о демилитаризации в статье 13 того же договора и от статьи 4 Лозаннской конвенции 1923 года, касающейся режима Проливов.

Правильный юридический вывод в данном случае состоит в том, что территории были уступлены Греции на условиях ограничения ее территориального суверенитета, согласно которым Греция обязана обеспечивать демилитаризованный статус соответствующих островов. Демилитаризованный статус территорий настолько тесно связан с целью упомянутых договоров и их положениями о территориальном урегулировании, что сам является неотъемлемой частью аспекта территориального урегулирования и характеризуется таким же постоянством, как и уступка территории⁶. В этом смысле не Турция, а Греция подрывает стабильность: стабильность важных территориальных режимов, установленных Лозанским и Парижским мирными договорами в общих интересах.

В-третьих, утверждение Греции об отсутствии у нее обязательств по демилитаризации островов Лемнос и Самотраки в силу того, что Конвенция Монтрё 1936 года о режиме Проливов отменила Лозанскую конвенцию 1923 года о режиме Проливов, также ошибочно. Как известно, острова Лемнос и Самотраки были в числе островов, демилитаризованных в 1914 году (решение Лондонской конференции от 13 февраля 1914 года). Демилитаризованный статус этих двух островов был условием уступки территорий, что закреплено в статье 12 Лозаннского мирного договора, а также в пункте 3 статьи 4 Конвенции касательно режима Проливов 1923 года. Требование о демилитаризации действует и сегодня.

Положение преамбулы Конвенции Монтрё о том, что ее участники «постановили заменить настоящей Конвенцией Конвенцию, подписанную в Лозанне» (*résolu de substituer* на французском языке), относится только к статусу Турецких проливов. Эта формулировка была призвана обеспечить возможность милитаризации Турецких проливов, что и было целью конференции в Монтрё, к проведению которой призывала сама Турция. Как и преамбулы других договоров, преамбула Конвенции Монтрё является не более чем *политической* основой для конкретных *правовых* норм, определенных позднее в постановляющей части Конвенции⁷. Окончательное решение, принятое после рассмотрения множества предложений, использовать слово «заменяет»/“*substituer*” вместо более точного термина из международного договорного права или фразы, которая не оставила бы сомнений в отношении того, что имеется в виду под так называемой «отменной», подтверждает такое толкование преамбулы.

Из конкретных правовых положений Конвенции Монтрё и Протокола к ней, а также из материалов Конференции Монтрё и исторического контекста, в котором она проходила, вытекает, что целью Конвенции было освободить только Турцию от обязательств по демилитаризации. В статье I Протокола, принятого одновременно с Конвенцией, четко указывается на географический охват запланированной демилитаризации, которая была согласована сторонами. В этой статье, со ссылкой на саму Конвенцию Монтрё, говорится, что [Турция] может немедленно демилитаризовать зону проливов, как это определено в преамбуле упомянутой Конвенции. Нет никаких положений, касающихся какого-либо другого государства или какого-либо другого района. Даже накануне Конференции г-н Маврудис, один из высокопоставленных представителей Греции на

⁶ *I.C.J. Reports 2009*, p. 213, at 243–244.

⁷ *I.C.J. Reports 1966*, p. 6, at 34 (emphasis added).

Конференции, публично заявил, что Конвенция Монтрё не имеет целью обеспечить для Восточно-Эгейских островов правовой статус, подобный тому, который будет определен для Турецких проливов (газета *Врадини*, 19 июня 1936 года). Из подготовительных материалов Конвенции Монтрё (*Actes de la Conférence de Montreux concernant le régime des détroits* (1936)) со всей очевидностью вытекает, что стороны согласны с тем, что Конвенция не освободит никакое другое государство, кроме Турции, от обязательств по демилитаризации. Что касается политических обещаний или заявлений — в любой форме, — которые не отражены в юридическом документе, согласованном сторонами, то здесь следует сослаться на практику Международного Суда, который предпочитает осторожный и ограничительный подход к приданию правового веса и толкованию таких обещаний или заявлений⁸.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что ни в 1936 году, ни в любое другое время не было отмены правовой ситуации, определенной решением от 13 февраля 1914 года, которое было официально принято Грецией 21 февраля 1914 года и впоследствии было подтверждено в полном объеме в статье 12 Лозаннского мирного договора 1923 года.

Наконец, я не могу не указать на четкую государственную практику, которая не оставляет сомнений в отношении рассматриваемых международных обязательств: дело в том, что Греция начала заниматься милитаризацией острова Лемнос только в 1960-х годах. В течение примерно 30 лет Греция действительно соблюдала свои обязательства, а в последующие годы, в ответ на официальные протесты Турции, Греция предоставляла официальные объяснения того, что ее действия, оспариваемые Турцией, не нарушают обязательств Греции по демилитаризации (то есть обязательств, существование которых Греция таким образом подтверждала), в том числе обязательств, касающихся острова Лемнос. Эти факты опровергают утверждение Греции о том, что она якобы была свободна от каких-либо подобных обязательств уже с 1936 года.

В-четвертых, Греция утверждает, что Турция не имеет права настаивать на соблюдении положений Парижского мирного договора о демилитаризации, поскольку эти положения (по мнению Греции) не являются частью правового режима в отношении демилитаризации, а являются лишь «отдельными вспомогательными положениями». Это утверждение, хотя и является неудивительным следствием того, что Греция продолжает преуменьшать свои обязательства по демилитаризации, не имеет под собой никаких юридических оснований.

Парижский мирный договор является одним из классических примеров договорного документа, устанавливающего «вещественный режим» в соответствии с нормами международного права. Режим, установленный этим договором, придал островам, о которых идет речь, особый международный статус. Положения Договора, включая, естественно, те, которые касаются демилитаризации, носят такой характер, что каждое заинтересованное государство имеет право настаивать на их соблюдении; и наоборот, любое государство, владеющее островами, должно соблюдать обязательства, вытекающие из системы демилитаризации, установленной положениями Договора⁹.

Ситуации, имеющие отношение к демилитаризации, со всей очевидностью подпадают под действие решения о демилитаризации Аландских островов¹⁰. Это означает, что каждое заинтересованное государство, включая государства, не являющиеся участниками конкретного договора, имеет право настаивать на

⁸ В дополнение к ссылкам, содержащимся в нашем предыдущем письме (см. решение Международного Суда от 21 апреля 2022 года по делу *Никарагуа против Колумбии*).

⁹ *League of Nations Official Journal, Special Supplement* No. 3, 1920, p. 15, at 18–19.

¹⁰ O'Connell, *State Succession in Municipal and International Law Vol. II*, Cambridge 1967, p. 23.

соблюдении обязательств по договору. Множество авторитетных источников подтверждают, что, как и Конвенция 1856 года о демилитаризации Аландских островов, приложенная к Парижскому мирному договору 1856 года, Парижский мирный договор 1947 года также является договором, создающим такой «вещественный режим» или «общий режим» (*situation objective* или *statut objectif* на французском языке)¹¹. Тип договора, который подпадает под это определение, был четко и ясно описан судьей Макнейром в материалах по делу *Международный статус Юго-Западной Африки*¹². Как хорошо известно Греции, Парижский мирный договор 1947 года идеально соответствует этому описанию.

Более того, не подлежит сомнению, что соответствующие положения о демилитаризации были включены в Парижский мирный договор с целью обеспечения безопасности Турции. Таким образом, Турция имеет полное право ссылаться на касающиеся режима демилитаризации положения, закрепленные в Парижском мирном договоре, а Греция юридически обязана их соблюдать.

В-пятых, Греция также утверждает, хотя и несколько неуверенно, что статья 89 Парижского мирного договора подкрепляет позицию Греции о том, что Договор не устанавливает «вещественный режим». Это утверждение можно опровергнуть, просто обратившись к формулировке данного положения. Статья 89 — это особая клаузула, которая касается государств, названных в преамбуле, но еще не ставших участниками Договора; эта статья не имеет никакого отношения к Турции, которая является заинтересованным государством, имеющим право настаивать на соблюдении положений Договора о демилитаризации в соответствии с нормами международного права.

Ввиду вышеизложенного, как Турция уже отмечала ранее, нарушения Грецией своих крайне важных обязательств по демилитаризации, против которых Турция постоянно возражает как против незаконных действий, неизбежно имеют отношение к правовому режиму, регулируемому суверенитет Греции над соответствующими островами. Таким образом, Турция, как непосредственно пострадавшее государство, имеет право, в рамках правовых отношений с Грецией, поставить под сомнение противопоставимость по отношению к Турции суверенитета Греции (и связанных с ним морских прав) над островами. Это связано с тем, что с 1960-х годов этот суверенитет был сомнительным в результате действий Греции по милитаризации соответствующих островов, что является грубым нарушением договорных обязательств Греции.

Турция вновь призывает Грецию соблюдать касающиеся демилитаризации положения Лозаннского мирного договора 1923 года и Парижского мирного договора 1947 года и восстановить демилитаризованный статус Восточно-Эгейских островов, существовавший до грубых нарушений Грецией своих обязательств. Это также обеспечит, чтобы территориальные режимы, установленные этими договорами, сохранились в полном объеме и не были ущемлены каким-либо образом.

И последнее, но не менее важное: я полностью отвергаю агитпроп и необоснованные политические обвинения, содержащиеся в последнем письме Постоянного представителя Греции, ссылка на которое приведена выше, и не считаю необходимым вновь отвечать на них. Вместо этого я хотел бы сослаться на наши предыдущие письма, в частности от 21 июня 1995 года (A/50/256-S/1995/505), 2 июля 2020 года (A/74/832-S/2020/350), 21 августа 2020 года

¹¹ См., например, Fitzmaurice, vol. 73, *Recueil des cours*, p. 255, at 262; Reuter, vol. 103, *Recueil des cours*, p. 425, at 449; Kohen and Hébié in *International Law and Peace Settlements*, Cambridge 2021, p. 432, at 440–441.

¹² *I.C.J. Reports 1950*, p. 128, at 153.

(A/74/997-S/2020/826), 14 октября 2020 года (A/75/521), 15 июня 2021 года (A/75/929) и 18 ноября 2021 года (A/76/557-S/2021/961).

В заключение позвольте мне подтвердить приверженность Турции делу мирного урегулирования разногласий с Грецией, о которых говорится в данной переписке. Мы готовы работать над созданием импульса, который будет способствовать разрешению не только одного, но и всех давних юридически взаимосвязанных споров об Эгейском море на основе принципов справедливости и равноправия, в соответствии с нормами международного права, с помощью средств, предусмотренных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций, и по взаимному согласию сторон. Однако, чтобы такой импульс был возможен, в первую очередь необходим искренний, честный и содержательный диалог, а не использование враждебной политической риторики и эскалационных действий почти на ежедневной основе при полном игнорировании прав и жизненно важных законных интересов Турции, на что также указывается в письме министра иностранных дел Мевлюта Чавушоглу на Ваше имя от 30 августа 2022 года.

Буду признателен за распространение настоящего письма в качестве документа Генеральной Ассамблеи по пункту 72 а) повестки дня и документа Совета Безопасности, а также за его публикацию на сайте Отдела по вопросам океана и морскому праву и в следующем выпуске «Бюллетеня по морскому праву».

(Подпись) Феридун Х. Синирлиоглу
Постоянный представитель
